

Слабо греет северное солнце.
У тебя красивые глаза.
Выгляни в широкое оконце,
Разметает ярко-белый стронций
Вдоль по небу лента-полоса!
Тяжко думать о прошедшем. Что же,
Расплетайся, розовая нить.
Мне мятеж волос твоих дороже,
Угли глаз, которым не остыть.
Вбиты навсегда тугие клинья
Птиц российских между нас двоих.
Но хочу вернуть тот вечер синий,
Шепот губ, полёт неровных линий
Рук тяжёлых и кистей твоих!
Где бы ты сейчас ни находилась,
Верись или нет моим словам,
И теперь готов судьбу и силу
Разделить с тобой напополам.
Потому что помню очень много,
И воспоминанием одним
Я могу поклясться, рухнуть в ноги,
Широтой души твоей храним.

Вспоминаю давние свиданья,
Новолунья лёгкие лучи,
На седых налётах козлодранья
Вымрите во мне, воспоминанья,
Сильный голос памяти, молчи!
Теплится ещё в груди надежда,
Отзвук еле различимый: где ж ты?
Глух удар, тягуча темнота...
И тоска обвальная такая,
Что я б вырвал сердце!.. Истекая,
Тяжкой кровью память разлита.
Память встречи, первой нашей встречи
У туманной ягодной воды,
В неглухом саду Замоскворечья
Мучает меня... И этот вечер
В полушаге от слепой беды.
Выстрелить в себя? Одно мгновенье:
Кончен всех мучений страшный путь.
Будет мне тогда успокоенье,
Но твоих ладоней не вернуть...
Но волос твоих густого хмеля
Возвратить не суждено назад...
Что же я разнылся, как Емеля?
Как войны не видевший казак?
Вон вдали колышутся знамёна!
Маршируя, взводные пошли.
Будет каждый назван поимённо
На просторах горестной земли.
Будет солнце так же слабо сеять
Тыщи лет вперёд свои лучи,
Чтобы нам легко с тобой поверить
(как ни тяжелы порой потери)
На земле в любовь и жар свечи...
Выгляни в широкое оконце:
Небо разрезает полоса!
И пускай погаснет это солнце.
У тебя — бессмертные глаза.
У тебя сердечко — василёк,
И нежны твои лучи-ресницы.
Не тужи о том, что путь далёк:
Вороним с белёсыми не сжиться..
Я тебя невестой назову,
Мы детишек розовеньких сладим...
Будешь королевной наяву
Славы и богатства наших ради!..

* * *

Я прошу, чтоб осудила строго,
Залихватскую смирила прыть,
Только прежде разреши с дороги
Грязь с лица и ног истёртых смыть.
Я к тебе вернулся слишком поздно,
Но легко простить, коль веришь ты
Недосчитанным сгоревшим звёздам,
Падающим не из пустоты.
В этот раз, обрызганный рассветом,
Не поверю всем огням земли.
Если назывался я поэтом —

Глаз твоих подснежники цвели.
Помни всё. И, в праведной обиде,
Если хочешь, ты меня кори!
Только небо, словно брашно в сите,
Звёзды отпускает до зари.
Звёздам падать — то же, что кометам;
Но звезде упасть, по мне, — честней.
Хвост её, сгорев мгновенно следом,
Не обманывает чистоты очей.
Ты прикрой слегка у окон ставни,
Выйди в этот сад, как я прошу, —
Мы с тобой припомним вечер давний,
Вспомним тихий яблоневый шум...
Ты подслушай песню в этот вечер:
Расплетающиеся ветра,
На ресницы падая и плечи,
Здесь не утихают до утра...
Потому что небо стало злиться.
Ведь когда расстанемся мы, тут
Первые осинового цвета листья
Птицами подбитыми падут.
Станут под свинцовым этим светом,
Если не нарушить тишины,
Голоса расстрелянных поэтов
В переливе лиственном слышны.
Ослеплённых поколений дети,
“Мы” переродились в грани “я”...
Отчего и вижу в пистолетах,
В грязных ружьях копать от огня!..
Вот зачем прошу, чтоб крайне строго
Залихватскую смирила прыть,
Только прежде разреши с дороги
Грязь с лица и ног истёртых смыть.
Много я в пути кривом изведаль,
Множество дорог исколесил,
Потому теперь зовусь поэтом,
Что пою безвестный крест Руси.